

ПОЛИТИКА. ВЛАСТЬ. ОБЩЕСТВО

Добрая весть от Соловьева

Окончание отчета с пресс-конференции популярного телеведущего. Начало в субботнем номере «ММ» (10 сентября)

— Владимир Рудольфович, после всего сказанного вами стоит ли оставаться в России? — Говорят, очень тяжело быть женщиной. Может, имеет смысл поменять пол? Что значит: оставаться в России? Да поймите, это же категория не страны, а вас. Вам везде будет плохо, потому что вы бежите, в конечном итоге, от себя, от своих корней, от своего предназначения. Если ты в этой стране появился на свет, значит, ты для чего-то появился на свет, тем более, когда мы говорим о журналистике, потому что эта профессия на стыке между борьбой добра и зла. И если вы говорите: а стоит ли, вы всегда скатываетесь на сторону зла. Чем сложна журналистика? Тем, что надо постоянно бороться с искушением и понимать, на чей ты стороне.

Говоря о партиях, отмечу, что «Единая Россия» сейчас является центром стабилизации общества

— Владимир Рудольфович, вы выступили с открытым письмом, осуждающим ту самую вашу программу за пропаганду фашизма. Как вы отреагировали на их выступление? — У правозащитников, как у хоккеистов: вот ты вышел на лед, и никого не волнует, каких результатов ты достигал в прошлом: покажи сейчас, на что ты способен. То же — в карате, которым я занимаюсь всю свою жизнь. Наша профессия тоже требует, что называется, «свежих» результатов. Мне тогда правозащитники показали только одно: то, что они вообще ничего в этой жизни не понимают. Вы что, не знаете, что в стране колоссальные ксенофобные настроения? У нас вышла книжка о том, что надо всех чеченцев

вырезать под корень. И что, хоть один правозащитник написал хоть одно письмо? Никогда. В многонациональной России люди подписывают колоссальное антисемитское письмо, причём депутаты Госдумы. И мы пытаемся сделать вид, что ничего не происходит. Наоборот, я обязан вытащить и показать это, тем более, что Макашов — не Басев: он находится в правовом поле, он депутат Государственной Думы, выигравший в своем одномандатном округе на ура. Если власти не показывают реальные ксенофобные настроения в обществе, то, когда начнется погром, власть скажет: «Ой, а мы не знали!». Я обязан предупредить, а не говорить: нет никакого Макашова, это все журналисты придумали, чтобы он был популярен. Ну-ну! Если бы не было передачи, никто бы это и не понял, насколько это сложная проблема, и Путин бы не сказал: «Мне стыдно». У нас страна находится в тяжелом положении. Журналисты ушли с этого фронта, мы не боремся за умы, у нас журналистика, как правило, занимается либо жополитиком тех, от кого она зависит, либо решением, как это часто бывает, корпоративных интересов, когда одно СМИ воюет с другим, либо чистой криминалистикой: сейчас вас напугают, и вам будет интересно читать. Но есть и другие стороны жизни. Мало того, после этой передачи мне позвонила Тая Миткова и сказала: «Володь, спасибо тебе, у меня наконец-то появилось ощущение, что кому-то нужны в этой профессии». При этом всюду в стране побеждал Леон, потому что передача «К барьеру!» идет в каждом часовом поясе, и в каждом свое голосование. Но в Москве, которая считалась всегда умной, он проиграл.

— У вас Катеринбург на презентации своей книги вы сказали, что журналисты — это особая каста, которая считает себя либерально направленной, а на самом деле абсолютно не знает положения в стране — это либерасты. Среди коллег кто-то вызывает ваше уважение? — Это у актера Мартынова как-то спросили, кого он считает великими актерами XX века. И Мартынов ответил: «Нас не много». Я к себе отношусь более чем скептически. Я вообще плохо представляю, кто такой журналист. Когда я говорю о телевидении, журналисты там, как правило, занимаются конкретно новостями. Большинство других людей являются ведущими, обозревателями. Я отношусь с большим уважением ко многим людям, начиная с Брилева и заканчивая Познером. Я не люблю в журналистах понакрывающих оригинальности: если говорить, сколько будет дважды два, такие всегда смотрят, кто это сказал. Если Путин сказал, что дважды два — четыре, они начинают кричать: «Не может быть, он врет». А если Ходорковский сказал, что дважды два будет три, они скажут: «Вы знаете,

наверное, в этом что-то есть, надо подумать». Не могу я верить тем людям, когда знаю: эти вопросы сложнее, чем казакские материалы. Жил уникальный журналистский коллектив, когда Гусинский построил в Чигасове поселок, и они там были все поселены, все эти киселевы, которые видели жизнь из окна автомобиля с охранниками. Что они знают о жизни? Они искренне выполняют то, что считают правильным. Взяти нашего гражданина в Америке, они тут же начали кричать, что он, наверное, агент советской внешней разведки. А если и так, то что здесь плохого? Плохо то, что его взяли, — это да. Что, у России не должно быть внешней разведки? Журналисты же говорят: мы хотим, чтобы Россия стала свободным независимым государством... Индия — тоже свободное независимое государство, и Америка, и Франция с Англией, и у всех по-своему получается. Когда мы кричим о зверствах наших в Чечне... Давайте тогда расскажем об американцах в Ираке. У нас в Чечне, действительно, бесчеловечные, но какое-то время там был просто страшный геноцид по отношению к россиянам. Именно к россиянам, то есть к гражданам России. Да нет практических ни одной женщины в Чечне, не изнасилованной чеченцем. Но для всех же чеченцы — это либо свободные и независимые, либо предатели. А я знаю многих ребят, я часто бываю в Чечне, которые с первого дня воевали против Дудаева. Когда хасарвогит праведный договор подписали, мы их предатели — мы ушли.

— На вашем сайте вашу биографию рассказывает мама. Почему? — Это вопрос к маме, а не ко мне. У меня очень хорошая мама, я ее люблю.

— У вас такие доверительные отношения с ней? — Нет, что вы, мне страшно от этой мысли: моя мама все хорошо понимает и чувствует, и если у меня с ней будут еще и доверительные отношения, то ей будет очень тяжело жить, потому что у меня столько проблем! Мама очень талантливая женщина, гениальная, я бы сказал, я просто ее жалкая копия и я ее очень люблю и счастлив, что у меня такая мама. Обычно, когда хорошие родители и они живы и здоровы — это счастье. А когда родители плохие, это тяжелый крест. Но это все равно твоё. Я предьявляю своей жене чуть ли не единственное жесткое требование: никогда не говорить ничего плохого про моих родителей. Так же, как и я никогда ни одного плохого слова не сказал о ее матери и отце. Потому что это данность — родителей не из-

менить. Жен и мужей может быть сколько угодно, а родителей один.

— Очень часто звучит вопрос журналистской этики о том, что можно показывать, а что нельзя. Какие критерии у вас на этот счет? — Очень просто: что бы вы могли показать своим детям, своим родителям. В свое время хитрые евреи приехали в Голливуд и открыли там фабрику звезд. Знаменитая «Метро-Голдвин-Майер» — «метр» — это предчувствие, а все остальные — наши люди. И они поставили очень смешную задачу: мы хотим делать кино, на которое было бы не стыдно ходить с детьми. Вот журналист должен в первую очередь думать об этом. Время, конечно, диктует свои условия, но когда журналист показывает откровенную расчлененку — это проблема. Хотя, если я покажу, как 25 человек насильно несчастную женщину, а потом, если они ее разрежут на мелкие кусочки и сожрут, то рейтинг будет сумасшедший. Но это не значит, что это надо делать.

— А чем обоснован рост рейтинга в случаях, когда показывают насилие и так далее? — Говорят, когда встретился Христос с Дьяволом, то Дьявол говорит Христу: «Слушай! Ну что ты так напрягаешься? Посмотри: ты им говоришь-говоришь, а за тобой пошло-то 12 человек, и то один по дороге, что называется, со скотчелом. А за мной идут миллиарды». На это Христос ответил: «Да, но я их веду в гору, а ты — с горы». И потом, каждый раз, когда мне говорят: «Народу нравится», мне хочется спросить: «Кому? По фамилиям, пожалуйста, назовите их. Тем, кто рядом с вами, вашему ближайшему окружению — им нравится? Почему вы решили, что народу нравится?» Мы привыкли не замечать и не исправлять то, что вокруг нас. Ну не нравится тебе «Аншлаг» — не смотри. А с другой стороны, что там еще должно быть?

— Вам самому какие программы нравятся? — Новости люди всегда будут смотреть, когда они сделаны профессионально и интересно. Но очевидно, что сейчас на телевидении кризис: устаревшие формы подачи, представления о том, как это делается, нет свежей крови журналистов. Какие программы мне нравятся самому? В зависимости от каналов. Мне, например, нравится, как раньше работал Малахов, хотя мне совершенно не близко то, что он делает. Но с позиции профессии я понимаю, что он отрабатывает замечательно, хотя я

это смотреть не могу. Мне интересна программа Макарова, мне всегда интересно посмотреть Кожухова, раньше мне было интересно смотреть Парфенова, мне интересно смотреть итоговые «Вести» Брилева, как он их подает. Мне не всегда это нравится, но он интересен. Паша Любимцев dico смешной. А на НТВ мне всегда нравится смотреть «Профессия — репортер». Там замечательные ребята работают: Вадим Таменев, Паша Корчевников... Мне интересно смотреть, как работает Миша Осокин.

— Вы общую политическую картину уже обрисовали, даже затронули «Единую Россию». А я не знаю, что такая «Единая Россия». Я не понимаю, как могут быть в одной партии Лужков, Шаймиев, Крашенинников, Драганов, Хлопонин... Они — люди разных политэкономических взглядов. К тому же, идеология «Мы так любим президента» замечательная, но она не работает, потому что такая же идеология была у СПС. Если вы помните, перед выборами очень забавно сказал Немцов о Чубайсе: «Тоя любит Путина вплоть до потери сексуальной ориентации». Поэтому СПС могла себе позволить все, кроме критики президента. То же с Жириновским и Рогозиным: всех ненавидим, а президента любим. Любовь всех оттенков — прямо «Декамерон» какой-то. Если говорить о том, что в «Единой России» много подонков, как и в любой чиновничьей партии, смешно надеяться увидеть там праведных людей. В то же время, если говорить о том, что в «Единой России» все подонки, то это не так. Потому что в «Единой России» очень много профессионально грамотных людей: тот же Александр Жуков, замечательный профессионал и хороший дядька. И получается забавная ситуация: сейчас «Единая Россия» — не политическая партия в привычной ситуации, а центр стабилизации общества. Такой корень прагматиков, причём, заметьте, ни один из них не подписал антисемитское письмо, что немаловажно. «Единороссы» все разные: есть действительно честные люди, а есть примкнувшие чиновники. По своим экономическим взглядам эта партия, скорее, правая, чем левая, то есть как бы правый центр, и в России сейчас это залогом стабильности в обществе. Почему о них всегда скучно говорить? Это всегда партия большинства. К тому же, важно смотреть на политическую арену: у нас есть еще хотя бы одна политическая партия с четкой и понятной идеологией? Даже КПРФ перестала обладать единой идеологией, там никакого

марксизма-ленинизма давно нет, они же уже в храмы со свечками ходят. А какая идеология у «Родины»: мешанина, когда с одной стороны Глазьев с улыбочкой Джоконды, как сказал о нем Рогозин, а с другой стороны сам Рогозин, который страшно хотел быть казакком, но не стал. И на всякий случай избирается в Воронеж. Принято считать, что в России не время политических партий, а время движений, когда люди объединяются какой-то идеей. Вот Лимонов говорит: все плохое — все врут. А что хорошего ты сам можешь предложить? Причем, если его кто-то ударил по харе — это уже гражданская война. А если он кого-то ударил, то ничего страшного. Русский язык вообще такой сложный! Настя — это женское имя, а Не Настя (ненастя — Прим. авт.) — это уже природное явление. А то, что общество терпимо к подонкам — это да. Общество наше любит Лимонова. А в эфире у меня он орал, как поросенок: «Вы что, провоцируете меня, чтобы меня опять в тюрьму посадили? Я не хочу в тюрьму!» Между тем, своих людей он посылает на нар. А «Единая Россия» — живая, неравнодушная. Но есть в ней люди, которым руку подовать нельзя: воры, взятничники, подонки. Василий Иванович Шандыбин сказал замечательную фразу: «Да дурак тот депутат, который десятку тысяч баксов в месяц зарабатывать не может». По моему, он был не «единоросс». Так что критиковать легко, найти кого-то хорошего сложно.

— Давайте я вам напоследок анекдот расскажу. — Один еврей приходит в нотариальную контору и спрашивает: «Вы нотариус?» — Ну конечно, видите, на двери большая табличка: «Нотариус». — И у вас есть лицензия? — Ну конечно, вот, смотрите — все по закону. — И вы умеете составлять завещания? — Ну конечно, это то, что я делаю просто блестяще. — И вы это уже делали? — Ну конечно, господи! — И у вас есть гербовая бумага? — Да, да, есть бумага, вот — садитесь и пишите. — И ручка у вас есть? — Вот вам ручка, господи, садитесь уже, не отнимайте у меня время.

— Хорошо, хорошо, последний короткий вопрос: как пишется «никтому ничего»? — Подготовила Рита ДАВЛЕТШИНА. — Эсклюзивное интервью с Владимиром Соловьевым читайте в субботнем номере.

Слово VIP-персонам VII фестиваля прессы На Магнитке есть все...

Евгений КАРПОВ, глава Магнитогорска: — Сегодня Магнитогорск готов принимать у себя гостей на мероприятия любого уровня — от регионального до российского и европейского. Для этого в Магнитогорске есть все необходимое. Это доказывает череда разноплановых событий, которая прошла у нас за три недели: чемпионат России по боксу, ассоциация промышленников и предпринимателей Башкортостана и Челябинской области, нынешний фестиваль СМИ. Мы приняли у себя журналистов с большим удовольствием и позаботились, чтобы им было комфортно и интересно.

Журналистам не завидую

Андрей КОСИЛОВ, первый заместитель губернатора Челябинской области: — Фестиваль СМИ — достаточно простая и вместе с тем интересная форма общения. Очень рад тому, что развитие области, социальные и экономические процессы консолидированы с развитием СМИ. Растет количество газет, повышается уровень публикаций и полиграфии. С таким главным партнером, как ММК, нам было значительно легче организовать это мероприятие. А журналисты получили возможность общения в профессиональной среде, имели возможность встретиться и получить оценки своих коллег.

Мы придумали такую форму работы, потому что в России было много фестивалей: федеральных и даже международных. Но те, кто работает в районной, городской прессе, оставались не у дел. Да и в области люди имели минимальную возможность общаться. Считаю, что пресса развивалась, надо создавать конкурентную среду и возможность общения.

Я сам веду колонку в газете, поэтому работе журналиста не завидую. Взял на себя такую ношу, оказалось, нести ее тяжело. Все время думаешь, что написать, чтобы это было интересно, понятно и близко многим, а это очень трудно.

Бесплатный сыр из газетной бумаги

Владимир ОЛЕШКО, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой периодической печати УрГУ: — Высказываю не только свое мнение. Этот фестиваль — образец организации мероприятий такого рода с точки зрения компактности и продуманности программы. Хватает и серьезных занятий, и времени для отдыха и общения с коллегами.

Хорошо, когда возникают дискуссии. Когда я говорил об угрозе со стороны бесплатных газет, мне возразил магнитогорский журналист Кирилл Маркевич, мол, «Нью-Йорк Таймс» тоже выпускает бесплатную газету. Не нужно лукавить — я не имел в виду случаи, когда качественная газета выпускает бесплатное приложение. На российский рынок все по-другому.

Почему бесплатные газеты составляют конкуренцию качественной прессе? По той простой причине, что эта минимальная бесплатность — она, безусловно, минимальная — разрабатывает человека. Он не тратит деньги, ему приносит — он читает. В бесплатных изданиях вся информация строго отфильтрована. Газета дает читателю пережеванную пищу, и ему остается только глотать. Нельзя питаться только разжеванной пищей, человек должен и яблоко погрызть, и мясо пожевать. С точки зрения физиологии это необходимо. Точно так же, как различная информация необходима для формирования ума. Качественная пресса дает возможность развиваться, а бесплатная причудат к бездействию.

Одинокие волки из СМИ

Иосиф ДЗЯЛОШИНСКИЙ, профессор факультета политологии Высшей школы экономики, председатель правозащитного фонда «Комиссия по свободе доступа к информации»:

— Фестиваль СМИ организован хорошо. Здесь есть возможность обменяться опытом, поучиться у других. Но не это главное. Фестиваль помогает профессионалам общаться, он формирует сообщество журналистов.

Другое дело, что одним фестивалем эту проблему не решить. В России сейчас нет реального журналистского сообщества. Мы провели в этом году исследование и получили очень грустную статистику. Большинство журналистов не являются членами союза журналистов или других организаций, не видят в этом необходимости, не понимают, что такое членство может им дать. Этакое одинокое волки, общающиеся только в рамках редакции. А если мы ведем речь о цивилизованной журналистике, то тогда журналистское сообщество выступает арбитром в профессиональных спорах, регулирует процессы, происходящие в СМИ.

В профессиональные сообщества объединяются врачи, музыканты, учителя... Единственная сфера, где этого не происходит, журналистика. Некоторые говорят, что среди журналистов развита конкуренция, которая и мешает объединяться. Возрождать конкуренцию существует в среде поиска доходов, а сообщество выступает как защитник интересов журналистов.

Магнитогорск — мой фундамент

Евгений ТКАЧЕНКО, корреспондент ИТАР-ТАСС по Челябинской области:

— У нас высокие интенсивность работы, потребность в информации, и во время работы меня на фестиваль просто бы не отпустили. Но я знал заранее о сроках этого мероприятия и «подадал» свой отпуск, чтобы побывать здесь и с большой пользой для себя пообщаться.

В Челябинске я учился в политтехнологическом, увлекся фотографией и понял, что это мое призвание. Меня вовремя остановили, чтобы я не бросил институт. Я убедился, что в такой области, как Челябинская, и в таком городе, как Магнитка, журналистам с инженерным образованием гораздо лучше и проще.

Не хочу умалять достоинства диплома по журналистике, но журналист приходится работать в конкретных условиях. И мои коллеги с дипломами, приехав на Магнитку, начинают заниматься самоподготовкой. А мне ничего разжевывать не надо — я могу работать по существу проблем. Поведал, что в первую журналистскую командировку меня направили в легендарный доменный цех, на седьмую зону, которая тогда была лидером, как таким людям, как Лена Рябцев, Алексей Шатилин — почетный магнитогорец, легенда доменщиков. Общение с такими людьми и таким заводом на первых порах профессиональной деятельности — это мой фундамент. Я благодарен Магнитке за то, что стал журналистом.